«Арийцы», народная археология и общество – вызовы постмодерна

Продолжаем публиковать статьи из сборника памяти В.А.Кореняко. Тему этики в археологии и не только продолжает статья д.и.н. В.А.Шнирельмана ««Арийцы», народная археология и общество – вызовы постмодерна».

В.А. Шнирельман
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Приход эпохи постмодерна вызвал к жизни небывалый интерес общественности к альтернативной истории, делающей упор не столько на глубокий анализ источников и следование строгим методическим требованиям, сколько на выстраивание желательной версии истории, удовлетворяющей общественным потребностям, нередко связанным с национальной идеей. В данной статье эта проблема рассматривается на примере арийского мифа, открывающего широкие возможности для поиска престижных предков. Показано, как различный контекст (националистический или религиозный) вызывает к жизни различные версии древней истории «арийцев» и как эти версии сталкиваются, создавая конфликтные ситуации. Проанализированные данные ставят на повестку дня вопрос об этике в археологии.

Как-то незаметно археология стала политической наукой. Впрочем, незаметно для археологов, но отнюдь не для широкой публики. Ее настроения отражают «властители дум» и «выразители народных чаяний», которые с некоторых пор без устали рыщут по первобытным джунглям, выискивая там «забытые национальные святыни», «знаки первописьменности», «мудрость предков», «великих и добрых богов», «города русской славы» и прочие ценности, оказывающиеся столь востребованными в век постмодерна и нанотехнологии.

Еще сравнительно недавно вопрос о взаимоотношениях с обществом в научной среде даже не возникал. Все было разложено по полочкам, и каждый занимался своим делом. Ученые выполняли производственные планы по выдаче на-гора крупиц бесценной «научной продукции», компетентные органы надзирали за тем, чтобы эта продукция соответствовала признанной властями «истине», а общество хранило многозначительное молчание. Тогда археологи занимались археологией, физики – физикой, философы – философией, водопроводчики ремонтировали трубы, дворники мели улицы. А любители «альтернативной истории» довольствовались чтением популярных журналов «Наука и жизнь», «Знание – Сила», «Техника – молодежи», «Химия и жизнь» и, лежа на диване, пребывали в сладких размышлениях о дальних странах и затонувших континентах.

Теперь все не так. Воодушевленные открывшейся свободой люди стремятся быть многостаночниками и все в этой жизни успеть. Математик хочет создать «новую хронологию», философ – открыть «допотопную цивилизацию», а журналист – обнаружить «древнейшее славянское государство». В свою очередь, офтальмолог-эзотерик вдохновенно вещает о «расовых эпохах», а язычник с ностальгией и восхищением вспоминает о своих «палеолитических предках» и их «райской жизни» в гармонии с полярной природой. В современном медиапространстве есть место всем, и каждый с упоением возделывает свою делянку. Героем дня становится не ученый, а неприметный слесарь, прочитавший на досуге «Фестский диск» или невзначай обнаруживший «древнее святилище».

На этом огороде находится своя ниша и для науки, но здесь она выглядит уже не прежней царицей, а скромной труженицей, чьи успехи или неудачи сплошь и рядом остаются незамеченными обществом. На первом плане оказываются не реальные научные открытия и достижения, а умение раскрутить свои идеи, сделать им рекламу и загипнотизировать ими общество. При этом ценность этих идей и последствия их раскрутки мало кого волнует. Заявить о себе надо здесь и сейчас; главное – не опоздать, засветиться, застолбить место и уже не отпускать внимание публики. А для этого требуется выдавать сенсацию за сенсацией – чем грандиознее, тем лучше. Ее соответствие реальным фактам большого значения не имеет. А кто заметит подвох? Ученые? Но их всегда можно обвинить в «консерватизме», «догматизме», службе неким «заказчикам», заинтересованным в сокрытии или искажении «истины». На худой конец, им можно приписать и связи со «спецслужбами». Главное – убедить общество в том, что они якобы намеренно «скрывают правду от народа». Здесь все средства хороши, и, на удивление, они действительно работают; немалая часть публики всему этому искренне верит.

Подавляющему большинству ученых все это мало интересно. Они занимаются своим профессиональным делом, будучи убеждены в высоком предназначении науки и ее твердых позициях в обществе. Однако именно это сегодня и вызывает сомнения. С одной стороны, наша публика, действительно, отличается высоким образованием, а наука продолжает пользоваться уважением. Но, с другой, наша образованная публика никогда не была столь беззащитной перед суевериями, столь склонной поддаваться всевозможным дутым сенсациям и рукотворным мифам, как сегодня. И это становится проблемой, игнорировать которую больше невозможно. Рассматриваемое явление вовсе не специфично для России. В США его заметили около сорока лет назад, и Дж. Коул тогда с удивлением и досадой отметил, что некоторые люди воспринимают археологию как форму магии и для них она интересна не научными достижениями, а нездоровыми сенсациями. Он назвал это

«культовой археологией», которая готова с энтузиазмом обсуждать определенные утверждения, при этом полностью игнорируя метод и теорию (Cole, 1980. P. 2–3). В 1980-х гг. явление «культовой археологии» неоднократно обсуждалось специалистами, и некоторые преподаватели даже сочли полезным устраивать такие дискуссии в студенческих аудиториях (Rathje, 1978. P. 4–7; Snow, 1981. P. 102–108; Feder, 1984. P. 525–541; Riemschneider, 1984. P. 4; McKusick, 1984. P. 48–52; Harrold, Eve, 1987; Williams, 1988. P. 62–70; 1991). В ходе обмена мнениями появилось понимание того, что за «культовой археологией» часто стоят не столько дилетантизм и популизм, сколько определенные настроения, нередко связанные с идентичностью, национализмом и расизмом (темы, намеченные еще Коулом) и заслуживающие специального анализа (Michlovic, 1990. P. 103–107). Это дало толчок
всестороннему изучению национализма в археологии (Silberman, 1989; Kohl, Fawcett, 1995; Atkinson, Banks, O'Sullivan, 1996; Diaz-Andreu, Champion, 1996; Meskell, 1998; Diaz-Andreu, 2001; 2007). Сегодня рассматриваемое явление расцвело в России, где немало интеллектуалов в азарте соревнуются в использовании археологических данных для построения грандиозных нарративов, прославляющих деяния далеких предков. Впрочем, корни этой тенденции уходят в советские времена, но тогда она оставалась без должного анализа (Шнирельман, 1993. С. 52–68; 2003; 2006; 2012а; 2015; Shnirelman, 1996; 2002; 2005).

Как ученый должен реагировать на расхожие мифы о прошлом – игнорировать, иронизировать, разоблачать, терпеливо вести с ними полемику, беспристрастно их изучать или же идти им навстречу ради каких-либо сиюминутных выгод? Что стоит за этими мифами – низкая образованность и дилетантизм их творцов, сознательное стремление к самоутверждению путем обретения «славных предков», мобилизация общества на решение определенных политических задач, легитимация неких философских идей с помощью апелляции к длинной исторической перспективе или поиск исторических оснований для создания и укрепления «образа врага»? А, может быть, такие, кажущиеся странными профессионалам, представления о прошлом являются выражением некого эзопова языка, пытающегося говорить об острых проблемах современности с помощью эвфемизмов и метафор? Или речь идет о выплеске накопившихся эмоций, удовлетворении собственного тщеславия, а, может быть, мести за несложившуюся карьеру? А, возможно, просто о коммерческом проекте или о безобидном хобби?

В последние 20-25 лет все эти проблемы начали в той или иной степени интересовать и некоторых отечественных археологов (Shnirelman, 1995; Шнирельман, 1996; 1999; Гаджиев, Кузнецов, Чеченов, 2006; Кореняко, Кузьминых, 2007; Петров, 2008; Белолипецкая, 2010; Яблонский, 2011; Беляев, 2011; 2013; Гринько, 2013; Михайлов, 2013; Черных, 2013; Плетц, Соенов, Константинов, Робинсон, 2014; Куприянова, 2014; Проценко, 2015). Правда, какой-либо устойчивой традиции здесь еще не сложилось. Во-первых, интерес у археологов вызывают очень разные стороны рассматриваемого явления, во-вторых, оно по-разному ими понимается и порождает у них весьма различную реакцию (от искреннего удивления до яростного разоблачения), в-третьих, мало кто пытается анализировать проблему в более широком социальном контексте, что, разумеется, требует выйти далеко за пределы археологии, в-четвертых, еще не выработались какие-либо общепринятые методические подходы. Одним из первых к этим вопросам обратился В.А. Кореняко, причем он сумел обнаружить здесь не только симптом кризиса гуманитарных наук, но и важную этическую проблему (Кореняко, 2000; 2004; 2013), и позднее стал инициатором весьма своевременного обсуждения проблемы этики в археологии (Обыденнова, 2014).

Как бы ни решались все эти вопросы, сегодня становится ясно, что, к большой досаде ученых, широкая публика зачастую ищет в истории вовсе не то, чего хотелось бы профессионалам, и дает их открытиям и гипотезам такие интерпретации, которые их не могут не шокировать. Мало того, иной раз такая историческая информация доносится до публики вовсе не дилетантами, а бывшими историками или археологами, стремящимися сознательно использовать свои профессиональные знания для разработки тех или иных политических идей, облекая их в форму научно-популярных эссе или романов в жанре фэнтези. И это заставляет скептически относиться к столь же распространенному, сколь и упрощенному мнению, связывающему такую деятельность исключительно с «дилетантизмом» и «искажением истории» в силу якобы недостаточной осведомленности в предмете.

Пренебрежительное или саркастическое отношение к упомянутым построениям вызывает лишь озлобление и потому непродуктивно. Кроме того, это не позволяет обнаружить истинные мотивы мифотворцев и причины популярности их творчества у широкой публики. Так проблема обретает более сложный, но и более интересный ракурс. Мне представляется, что сегодня специалистам-археологам необходимо знать политический и социальный контекст своей профессиональной деятельности, чтобы быть готовыми к продуктивному диалогу с общественностью и не допускать использования своих идей для сомнительных политических построений. Поэтому настоящая работа посвящена обсуждению результатов моего многолетнего исследования эволюции «арийской идеи» (Шнирельман, 2015). Здесь я рассмотрю ее социальное и политическое значение как оно представлено, главным образом, в популярной или околонаучной литературе. Но надо иметь в виду, что такая литература, как неоднократно отмечал В.А. Кореняко, порой выходит из-под пера бывших или действующих профессионалов (Шнирельман, 2004. С. 175–214).

Еще в середине прошлого века известный специалист по средневековой Европе Фриц Сакcл отметил, что мы вряд ли сможем понять исторический период, если оставим без внимания присущие ему ненаучные, а я добавил бы, и псевдонаучные представления и предрассудки (Saxl, 1957. P. 73). В данном случае речь идет об «арийском мифе», который в советское время принято было связывать с нацизмом, и это автоматически исключало какое-либо его всестороннее обсуждение. Между тем, как подчеркивают некоторые исследователи, нацизм мало что дал нового в области идеологии. Он лишь ввел в практику и узаконил то, о чем десятилетиями мечтали мыслители-расисты (Бауман, 2010). Но «арийский миф» начал создаваться за

полторы сотни лет до прихода нацистов к власти, и далеко не сразу обрел шовинистический и расистский облик (Поляков, 1996; Olender,1992). Мало того, он очаровал не только европейцев; более ста лет назад его подхватили и в Индии (Figueira, 2002). За последние сто лет его с весьма различными целями использовали самые разные социальные, религиозные и этнические группы. И сегодня можно было бы говорить уже не об одном, а о нескольких разных «арийских мифах» – разных как по содержанию, так и по функции.

Действительно, арийская идея возникла и вначале развивалась в XIX в. как сугубо научный проект. Однако во второй половине XIX в. она была подхвачена шовинистами и расистами и начала служить империализму, колониализму и расовой дискриминации. Своего логического завершения она достигла в политике германских нацистов, использовавших ее для оправдания геноцида. Казалось бы, в мире после Холокоста места ей не осталось. Однако мир эпохи постмодерна парадоксален и таит в себе немало неожиданного. Рубеж XX–XXI вв. подарил арийской идее вторую жизнь, и ее подхватили националисты во многих новых государствах постсоветского пространства.

Вместе с тем, современный арийский дискурс отличается многозначностью. Сегодня арийство служит не только орудием шовинизма и дискриминации, но и лозунгом борьбы за самобытность и защиты местной идентичности. Однако смена контекста нередко наполняет лозунг иными смыслами, и то, что выглядело справедливым вчера, оказывается опасным и даже неприемлемым сегодня. Именно такую траекторию описала арийская идея в Индии, где в последней четверти XIX в. она была подхвачена реформистским и антиколониальным движением «Арья Самадж», а в конце XX в. стала служить радикальному политизированному индуизму, сеющему вражду и насилие (Шнирельман, 2012б).

Сегодня арийская идея получила популярность на всем пространстве Евразии. Она соблазняет интеллектуалов самого разного происхождения – русских, украинских, осетинских, армянских, таджикских, чеченских, татарских, азербайджанских, туркменских, казахских, узбекских и даже якутских, бурятских и корейских (Подробно см.: Шнирельман, 2015). Кое-где она остается маргинальной, а кое-где подхватывается и пропагандируется властями. Местами она привлекает лишь дилетантов, озабоченных поисками далеких предков своего народа, а местами ей уделяют внимание ученые, считающие ее подходящим языком для обсуждения вопросов отдаленного прошлого. Однако повсюду она служит интересам национализма, придавая ему искомую историческую глубину и наделяя славными предками.

Для этнонационалистов «арийцы» оказываются не просто особой этнической группой, но такой, которая отличалась необычным творческим потенциалом и в силу этого была способна к ведению победоносных войн, захвату и заселению новых земель и покорению местного населения. Тем самым, она естественным образом обретала власть над другими, получала высокий социальный статус и оказывалась «благородной». Все это становилось возможным благодаря ее высоким техническим и культурным достижениям, и поэтому арийцы едва ли не с самого начала рисовались носителями высшей культуры и цивилизаторами. С развитием физической антропологии во второй половине XIX в. к этому добавился еще один немаловажный элемент – расовый облик. Так «арийцы» оказались особой («высшей») расой, и теперь их успехи стали объяснять якобы имманентно присущими им биологическими качествами, передающимися генетическим путем.

Вместе с тем, уже на рубеже XIX–XX вв. в разных политико-культурных контекстах принадлежность к «арийству» понималась по-разному. Если индусы склонны были считать «арийцами» именно себя, то в Европе и США это место было зарезервировано за «нордической расой». В результате чиновники в США отказывались причислять индийцев к «арийцам», а нацисты преследовали цыган как «неарийцев». Единства не было даже среди ученых. Если для одних термин «арийцы» звучал как синоним для «индоевропейцев» («индогерманцев» в Центральной Европе), то другие вкладывали в него более узкий смысл и связывали его только с «индо-иранцами» или, еще уже, «индоариями»***2***. Эхо этих былых дискуссий докатилось и до нашей эпохи. Но сегодня арийский дискурс стал много богаче и разнообразнее.

> ***2*** Интересно, что греческие авторы эпохи эллинизма вначале отличали ариан/ариев от парфян, бактрийцев, согдийцев и даже скифов. Но позднее это представление о различиях было утрачено. См.: (Пьянков, 1995. С. 48–50).

Если колонизаторам арийский миф был нужен для оправдания процесса колониализма как «цивилизаторской миссии», направленной на просвещение «варваров», то местные противники колониализма и активисты национально-освободительного движения тоже прибегали к его помощи, но использовали его в совершенно ином ключе. В ранний период они могли разделять миграционную гипотезу, но при этом отождествлять своих предков все с теми же колонизаторами. Это делалось для того, чтобы показать, что, во-первых, по своей культуре и цивилизаторским способностям предки нисколько не уступали нынешним колонизаторам или даже находились с ними в близком родстве, а во-вторых, именно поэтому местное население не должно рассматриваться уничижительно в качестве «варваров» и имеет полное право на самостоятельное развитие.

После получения независимости такая концепция неизбежно требовала переосмысления, так как для своей легитимации национальное государство было заинтересовано в опоре на принцип автохтонности: необходимо было доказать, что основное его население является «коренным», т.е. имеет предков, обитавших здесь испокон веков. За этим стоит идея исторического права на территорию проживания, апелляция к которому широко используется в современном мире при отсутствии у бывших колониальных народов зафиксированного юридического права на свои земли (Шнирельман, 2013).

Казалось бы, территориальный вопрос не находится в какой-либо неразрывной связи с идеей «арийских предков». Однако идеологи таких движений не готовы отказаться от арийского мифа, который создает весьма привлекательный образ предков, награждая их самыми завидными качествами. Поэтому, чтобы связать своих предков с арийцами, последних требуется сделать автохтонами. Это вовсе не означает полного отказа от миграционной парадигмы, но теперь миф признает только миграции вовне, а их исконным центром оказывается именно данный регион или государство. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда «прародина арийцев» оказывается заложницей национальности создателей местных версий арийского мифа. Так, для современных индусских фундаменталистов такой прародиной служит Северная Индия, украинские националисты отождествляют ее с Украиной («государство Аратта»), армянские помещают ее на Армянском нагорье, курдские обнаруживают ее в горах Тавра и Загроса, таджикские ищут ее в Средней Азии, а русские – в Приполярье («Гиперборея-Арктида») или на Южном Урале, где их интересы иной раз пересекаются с башкирскими националистами. Даже некоторые осетинские авторы готовы сделать Осетию едва ли не древнейшим центром расселения индоевропейских племен, хотя в целом в осетинской историографии доминирует представление о приходе скифских или аланских предков извне (Шнирельман, 2006).

Мало того, сегодня русские националисты нередко объявляют, что именно Россия была прародиной «славян-арийцев», откуда те и расселялись по всему миру, осуществляя свою «цивилизаторскую миссию». Примирить такие концепции совершенно невозможно, и оказывается, что они решают вовсе не какие-то научные задачи, а преследуют своей целью конкретные интересы местных национализмов, т. е. предназначены, прежде всего, для внутреннего пользования.

Своеобразная ситуация сложилась ныне в некоторых новых государствах Центральной Азии и Южного Кавказа, где советская историческая наука всегда обнаруживала два пласта – один древний местный, а другой более поздний пришлый. Первый был связан с иранским или иным местным населением, а второй – с тюрками. Это ставит многие местные титульные нации в сложное положение, так как чрезмерный упор на тюркских предков лишает их возможности апеллировать к историческому праву на территорию, ибо те считаются пришельцами. Поэтому, признавая двухкомпонентность своего происхождения, они с гордостью включают в число своих прямых предков древнее иранское население раннего железного века и даже носителей андроновской культуры позднего бронзового века. Это неизменно отражается в официально признанных версиях национальной истории, находит свое выражение в государственной символике и получает место на страницах школьных учебников. При этом делиться предками с соседями никто не хочет, и для современных Казахстана и Центральной Азии характерна борьба за престижных предков, т.е. за древнеиранское наследие, которое иной раз рисуется «древнетюркским» (Шнирельман, 2009; 2015. Т. 2. С. 215–250).

В то же время это вызывает недоумение и недовольство соседних народов, прежде всего, армян и таджиков, которые именно себя считают легитимными прямыми потомками индоевропейцев. Версии, выдвигаемые соседями, они воспринимают как недопустимое посягательство на свое собственное историко-культурное наследие (Асатрян, Геворкян, 1990; Шукуров Ш., Шукуров Р., 1996). Сегодня они также высоко ценят свое «арийское происхождение», апеллируя к нему для решения тех или иных политических задач. Скажем, в обоих случаях большое значение придается развитию добрососедских отношений с Ираном и Россией, для чего местные идеологи, политики и дипломаты не устают подчеркивать роль общего «арийского родства» и «арийского культурно-исторического наследия»***3***.

> ***3*** Примечательно, что даже президент Путин во время своего визита в Тегеран 16 октября 2007 г. в своем интервью иранским журналистам счел нужным подчеркнуть глубокие корни взаимодействия России и Ирана, сославшись на то, что зороастризм якобы зародился на Южном Урале, т. е. на территории России. См.: (Путин, 2007).

Кроме того, арийский миф играет здесь и большую символическую роль, апеллируя к былым территориям, которые когда-то заселялись предками, а ныне находятся в составе соседних государств. В случае с Арменией речь Армянском нагорье, а в случае с Таджикистаном – об обширных областях Средней Азии, занятых сегодня тюркскими народами.

Русские националисты также используют арийский миф для обоснования права на всю территорию современной России или даже бывшего Советского Союза ссылкой на широкое расселение древних индоевропейцев, которых местный миф отождествляет со «славянами-арийцами». Одной из причин этого служит страх перед распадом России или кардинальным изменением этнического состава ее населения в связи с депопуляцией у русских и массовой миграцией населения из соседних государств. В этом случае арийский миф служит символическим способом легитимации территориальных границ, и вовсе не случайно внимание его создателей и пропагандистов приковано, главным образом, к пограничным регионам. Отсюда – поиски примордиальной прародины на Крайнем Севере, стремление обнаружить следы древней славянской государственности на Кавказе, приписывание Рюрику и его балтийским родственникам славянских корней и, наконец, страстное желание сделать айнов Дальнего Востока «европеоидами» и «родственниками славян-ариев». Кроме того, русские националисты апеллируют к арийской идее, пытаясь защищать интересы русских в новых постсоветских государствах путем изображения их там «коренным народом», чьи «арийские предки» якобы с незапамятных времен населяли всю Евразию (см., напр.: Абакумов, 1995; 1997; 2000; Карпов, 1996).

Помимо территориального измерения, арийская идентичность не утратила и своей культурной и цивилизационной ценности.

В ряде постсоветских государств арийство культивируется неоязыческими движениями, которых не устраивает официальная история своих народов, связанная как с постоянными поражениями от более сильных противников, так и с вековым отсутствием собственной государственности и вхождением в состав других государств, а то и с длительным существованием народа в условиях диаспоры. Поэтому там большим спросом пользуется дохристианское прошлое, позволяющее представить своих предков великим победоносным народом, имевшим аутентичную культуру и древний язык. Обращение к древности нередко помогает обнаружить реальную или воображаемую раннюю государственность, призванную подтвердить, что предки отнюдь не были дикарями и варварами, а имели свое собственное политическое устройство. Это – важный аргумент, помогающий преодолеть постколониальную растерянность и комплекс неполноценности и успешно строить свое новое государство. В свою очередь это требует напористости, агрессивности и даже жесткости, которых, по мнению неоязычников, лишено современное христианство, призывающее к милосердию и игнорирующее этническую составляющую.

Такого рода аргументы кажутся привлекательными не только энтузиастам нерусского происхождения, но и русским неоязычникам, рисующим весь христианский период эпохой порабощения русского народа пришлыми миссионерами, будто бы навязавшими ему рабскую идеологию. А так как эти миссионеры представляются им иудеями, то ясно, почему современное политизированное русское неоязычество не может обойтись без антисемитизма (Шнирельман, 2015. Т. 2. С. 5–135). Символом таких настроений служит свастика, означающая в антисемитском дискурсе непримиримость к «семитам» и готовность к бескомпромиссной борьбе с ними. В этом значении свастику использовали нацисты; так ее понимают и современные правые радикалы. Поэтому стремление некоторых языческих волхвов очистить свастику от этих ассоциаций, объявив ее «древнеславянским символом», нельзя признать удачной (Шнирельман, 2015. Т. 1. С. 93–96, 417–422). К тем же аргументам обращаются и радикальные украинские националисты, также питающие склонность к неоязыческим взглядам. При этом как для русских, так и для украинских любителей арийства особую ценность представляет общее индоевропейское прошлое, позволяющее им рисовать головокружительные победоносные походы далеких предков и изображать их мужественными воинами и успешными завоевателями новых земель. В этом контексте возникает и образ древней империи, едва ли не древнейшего государства на планете (Шнирельман, 2015. Т. 2. С. 158–209). Но, если украинские авторы ограничиваются территорией Украины, то русские не свободны от мегаломании. В их представлении древнейшие славяно-русские государства охватывали значительные территории Евразии, а иной раз даже выходили далеко за ее пределы. В некоторых версиях русские вообще рисуются первонародом, создавшим культуру, письменность и цивилизацию для всего человечества.

В этом контексте обнаруживается тесная связь между арийской идеей и религией. Русские и украинские неоязычники полагают, что отказ от христианства и возвращение к «этнической религии», «религии предков», во-первых, всемерно поспособствует преодолению раскола нации на фракции, а во-вторых, вернет ей утраченные моральные ценности, способные вывести ее из постсоветского кризиса. С этой точки зрения, большую ценность для сторонников этой идеологии представляет зороастризм, в котором они хотят видеть первую «настоящую» религию, созданную предками-арийцами и позднее давшую жизнь всем остальным мировым религиям. Тем самым, иудаизм с его Торой, или Ветхим Заветом, оказывается жалким слепком с арийского зороастризма, и многие сторонники этой идеи обвиняют иудеев в «краже» священных знаний у арийских предков. Они идут и дальше, противопоставляя иудаизм с его мстительным и жестоким Богом исконной «арийской религии», знавшей якобы исключительно доброго и милосердного Бога. Для них из этого вытекает обвинение иудеев в искажении «арийского духовного наследия». Мало того, сам зороастризм изображается конечным итогом развития, начало которому было якобы положено некой «допотопной ведической религией», исконной верой примордиальных индоевропейцев, или «славяно-арийцев». Этой вере приписываются возвышенные моральные идеалы, с которыми связывается строгий социальный порядок, основанный на иерархии и корпоративном устройстве общественной жизни. Волхвы призывают к возвращению к этому порядку во имя общественного здоровья, которое якобы разъедает современная цивилизация. В русле этого дискурса вновь становятся популярными лозунги «консервативной революции», привлекавшие немало европейских интеллектуалов в 1920-х гг.

Иной смысл арийская идея имеет в эзотерических учениях, непременной частью которых является весьма своеобразная версия антропогенеза, созданная Е.П. Блаватской и развитая ее последователями (Блаватская, 1991). Здесь арийцы представляются одной из «коренных рас», пришедшей на смену более ранним расам, обреченным на исчезновение в силу неких законов эволюции, связывающих каждую расу с особой отведенной ей эпохой. Для эзотериков наша эпоха представляется временем естественного господства арийской расы. К ней причисляется все современное человечество за исключением тех групп, которые связываются этим учением с остатками прежних рас, уходящих в небытие. При этом «раса» определяется не столько соматическими особенностями, сколько духовностью, и каждая последующая «раса», хотя и состоит из различных подгрупп, различающихся по физическим характеристикам, обладает более высокой духовностью, отличающей ее от предшествующих «рас». Оперируя понятием эволюции, эзотерики далеки от научного понимания эволюционных процессов и опираются на представление о неких космических силах или «Учителях», которые и создают каждую новую расу. Сами же люди оказываются беспомощными и неразумными, в результате чего каждая «расовая эпоха» дает пример не прогресса, а упадка; ее окончание знаменуется глобальной катастрофой, и «Учителям» приходится вмешиваться и создавать новую расу, которая, правда, оказывается более совершенной, чем предшествующая. В этом якобы и состоит процесс «эволюции» (Шнирельман, 2016).

Примечательно, что «арийский миф» привлекает и тех из русских радикалов, которые не желают порвать с православием. В

такой среде определенной популярностью пользуется идея «арийского христианства», которая в 1920-1930-х гг. развивалась некоторыми немцами-протестантами, стремившимися очистить христианство от «семитского наследия». В свою очередь индусские фундаменталисты отождествляют арийцев с индуизмом как «естественной» для них религией. Здесь религия жестко связана с национальной идеей и даже в некоторых контекстах обретает расовые параметры. Впрочем, в идеологии индусского национализма эти параметры остаются размытыми – они постоянно обсуждаются и пересматриваются в зависимости от контекста дискурса (Шнирельман, 2015. Т. 2. С. 251–300).

В то же время, благодаря развитию физической антропологии и в последние десятилетия – генетике, понятие «раса» оказалось тесно связанным с биологией, и это дает о себе знать даже там, где наблюдаются попытки определять его через «духовность» и религию. Этому способствует сомнительная идея о неразрывной и жесткой связи духовного с физическим. Хотя никому так и не удалось доказать наличие такой связи, что и выводит эту идею за рамки современной науки, она служит одним из важнейших компонентов расовой теории, до сих пор культивирующейся расистами. Эта идея время от времени эксплицитно или имплицитно всплывает и в некоторых религиозных дискурсах, прежде всего в рамках эзотерики и современного индусского фундаментализма. В результате ставится вопрос о кардинально различных менталитетах, якобы имманентно присущих разным народам или разным конфессиональным группам и не позволяющих им уживаться вместе. Некоторые эзотерики даже прямо связывают «менталитет» с определенными физическими особенностями (об этом: Шнирельман, 2010а; 2015. Т. 1. С. 304–332).

В еще большей степени это свойственно многим современным язычникам, для которых за понятием «этнической религии» скрываются группы, различающиеся по крови. В этих дискурсах кровь и почва прочно сливаются в нераздельное целое. Поэтому неоязычники склонны к расиализации окружающей социальной среды, и их нарративы перенасыщены положениями, отсылающими к «расе». Для многих современных как русских, так и украинских язычников «раса» представляется фундаментальным понятием, тесно связанным с культурой и историей, причем стержнем последней нередко объявляется «расовая борьба». При этом «арийцы» отождествляются с «белой расой» или же изображаются ее лучшей частью или авангардом. Им приписывается миссия спасения современного человечества от природной катастрофы или же – спасения «белой расы» от «наплыва мигрантов».

Такой дискурс, разумеется, не может обойтись без образа врага, якобы сознательно приводящего в действие всевозможные механизмы, вызывающие негативные процессы в современном мире. В русле рассматриваемых шовинистических взглядов таким традиционным врагом «арийцев» вот уже более ста лет рисуются «семиты». Эта идея так или иначе присутствует во всех текстах, созданных русскими радикалами в постсоветский период. Примечательно, что, подхватывая расовую теорию, такие авторы видят в «семитах» не какого-то случайного противника, ставшего врагом в силу определенных обстоятельств, сложившихся в данный момент, а вечного неизбежного недруга, который из века в век противостоит «арийцам», строит им козни и пытается либо установить над ними господство, либо вовсе их уничтожить. За всем этим стоит расовый антисемитизм, возникший в Европе во второй половине XIX в. и ставший основой нацистской идеологии и практики. В этом контексте происходит демонизация и дегуманизация евреев. Они нередко изображаются не какой-либо «иной расой», а «биороботами», созданными с определенной политической целью. Мало того, авторы таких произведений склонны обращаться к сюжетам древней истории и даже к палеолиту и процессу антропогенеза, чтобы доказать «вредоносность» евреев, которые, тем самым, превращаются в вековечных заклятых врагов «арийцев», наделенных якобы «генетическими» ущербными чертами характера. В частности, древнее население Палестины объявляется либо «славянами-арийцами», либо их близкими родственниками. А завоевание этого региона древними евреями трактуется как начало длительной экспансии, ставящей своей целью покорение славян и установление мирового господства. Многие особенности такой версии истории заимствуются из известных антисемитских памфлетов столетней давности, которые всемерно использовались и нацистами (Шнирельман, 2010в; 2015. Т. 1. С. 35–38, 54–62, 73–82).

Сегодня эти идеи активно обсуждаются не только в политических трактатах, но и в массовой литературе, написанной в жанре фэнтези (см., напр.: Шнирельман, 2009/2010). В этом участвуют как признанные писатели, так и самодеятельные авторы и радикальные политики. Встречаются среди них и языческие волхвы. Такая литература с готовностью выкладывается в Интернете и привлекает внимание радикально настроенной молодежи. Следователи неоднократно обнаруживали ее в квартирах скинхедов, подозреваемых в нападениях на людей. Однако, если в Западной Европе образ врага долгое время ассоциировался с «семитами», то в других контекстах такой враг с легкостью получает иное лицо. Так, для армян и таджиков злая сила, выступающая против «арийцев», отождествляется с тюрками, а для индусских фундаменталистов – с мусульманами. Определенные изменения происходят и в представлениях русских радикалов. Объявляя себя «арийцами», сегодня скинхеды готовы сражаться за «спасение белой расы», что в российских условиях выливается в нападения на «мигрантов» или даже на «нерусских» в целом. Парадоксально, что их жертвами становятся и таджики, считающие себя «арийцами» (Шнирельман, 2010б).

Наконец, в этой обстановке мы встречаемся и с другим парадоксальным явлением, когда, чтобы вывести себя из-под удара, потенциальные жертвы скинхедов отождествляют себя с «арийцами» в надежде на то, что это поможет им установить добрососедские отношения с местным населением. В этом контексте не только некоторые таджикские интеллектуалы, живущие в России, подчеркивают общее с русскими «арийское наследие» (Шукуров Ш., Шукуров Р., 1996; Хайдаров, Одегов, 2006), но даже корейский интеллектуал находил нужным наградить корейцев «арийскими предками» (Югай, 2004).

Аналогичная тенденция наблюдается в среде российских тюрков и даже монголоязычных народов, где делаются попытки обеспечить идею «евразийской общности» «арийской основой».

Сегодня в поисках такой основы отдельные авторы прибегают к генетическим данным, обнаруживая некоторые генетические маркеры, общие для «арийцев» и для тех народов, которые до недавнего прошлого никогда не включались в индоевропейскую группу. Иными словами, если, по мнению ученых, «арийская раса» является заблуждением, то это не останавливает энтузиастов, широко использующих такое понятие для выстраивания привлекательного мифа, пользующегося популярностью у публики и в некоторых контекстах преследующего определенные политические цели. Арийский миф наделяет людей привлекательными предками, снабжает наполненной глубокого смысла символикой, помогает продвижению некоторых политических идей и питает ряд новых религиозных движений. Он также помогает создавать образ врага и в этом качестве служит социальной мобилизации, основанной на ксенофобских представлениях и стереотипах.

В то же время сегодня было бы правильно говорить не об одном, а о нескольких разных «арийских мифах». Во-первых, конкретное содержание арийского мифа напрямую зависит от этничности его создателей, причем этим определяется как суть самого «арийства» и локализация «прародины», так и облик его «врагов». Во-вторых, выстраивание того или иного арийского мифа диктуется и особенностями религиозности его авторов и последователей – прежде всего, принадлежностью к языческой или эзотерической среде, а в Индии – к индуизму. В-третьих, особенности конструируемого «арийства» определяются также той или иной мировоззренческой парадигмой – одно дело акцент на биологической расе, характерный для традиционных расистов, и совсем другое – на культуре и ментальности, что более всего свойственно эзотерикам и приверженцам культурного расизма.

Все это следовало бы знать и учитывать археологам, чтобы понимать, кто именно и почему сегодня может интересоваться их материалами и построениями и как именно и почему такие материалы и построения могут использоваться. Поэтому, на мой взгляд, обобщающие публикации по археологии бронзового и раннего железного века и, в особенности, учебники по археологии должны включать разделы, посвященные обсуждению расистских и этноцентристских подходов к археологии и соответствующим интерпретациям ее данных. Было бы также полезно обсуждать такие проблемы со студентами, чтобы они были готовы к диалогу с общественностью. Некоторые археологи начинают осознавать эту проблему и в своих работах уже отмежевались от неонацистских интерпретаций «арийской проблемы», подчеркнув связь таких псевдонаучных взглядов с ксенофобией и шовинизмом (Anthony, 2007. P. 9–11; Кузьмина, 2008. P. 13). Думаю, все это впрямую относится к этике в археологии, о которой писал В.А. Кореняко.

Список литературы:

Абакумов А.В. Евразийские арии и Русь // Русская мысль. 1995. № 1–6. С. 37–39.

Абакумов А.В. Славяне в Казахстане: возвращение на Родину? // Экономическая газета, 1997. № 16. С. 8.
Абакумов А.В. Русские и татары в Крыму // Наследие предков. 2000. № 2. С. 18–21.
Асатрян Г.С., Геворкян Н.Х. Азербайджан: принцип присвоения и иранский мир. Ереван: Гителик, 1990. 22 с.
Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010. 311 с.
Белолипецкая Н.А. Заповедник «Аркаим»: особенности взаимоотношения музея и общества // ЭО. 2010. № 4. С. 69–77.
Беляев Л.А. Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. В.А. Шнирельман, А.Е. Петров. М.: ИА РАН, 2011. С. 51–66.
Беляев Л.А. Выступление в дискуссии «Наука и псевдонаука» // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 13–19.
Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 2: Антропогенезис. М.: Прогресс, Сирин, 1991. 559 с.
Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. М.: ИЭА РАН, 2006. 299 с.
Гринько И.А. Выступление в дискуссии «Наука и псевдонаука» // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 42–48.

Карпов А. Иудины поцелуи сепаратистов // Русский вестник. 1996. № 6–8. С. 12.
Кореняко В.А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов / Ред. А. Малашенко, М.Б.
Олкотт. М.: Гендальф, 2000. С. 34–52.
Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова) / Отв. ред. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 36–48.
Кореняко В.А. Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) // РА. 2013. № 4. С. 125–142.
Кореняко В.А., Кузьминых С.В. Наука и паранаука в современной отечественной археологии // РА. 2007. № 2. С. 173–191.
Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 557 с.
Куприянова Е.В. Заповедник «Аркаим» и проблемы популяризации археологии на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 12. История. Вып. 60. С. 22–29.
Михайлов Д.А. Алтайский национализм и археология // ЭО. 2013. № 1. С. 37–51.
Обыденнова Г.Т. (ред.). Этика в археологии: сборник статей. Уфа: Лань, 2014. 185 с.
Петров Ф.Н. (ред.). Археология в современной культуре России (региональные аспекты): «круглый стол», п. Аркаим, 22–23 августа 2007. Челябинск: Крокус, 2008. 108 с.

Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 17–45.
Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма. СПб.: Евразия, 1996. 353 с.
Проценко А.С. К проблеме мифологизации и политизации в археологической науке на Южном Урале на современном этапе // Труды IV Всероссийского археологического съезда. Т. 5 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество, 2015. С. 202–204.
Путин В.В. Интервью президента России В. Путина // Благоверие. 2007 (http://blagoverie.org/articles/reaction/document809.phtml)

Пьянков И.В. Ариана по свидетельствам античных авторов // Восток. 1995. № 1. С. 39–55.
Хайдаров Ш., Одегов В. Следы арийской цивилизации в Прикамье (историко-сравнительное изучение проблемы). Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 96 с.
Черных Е.Н. Выступление в дискуссии «Наука и псевдонаука» // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 113–118.
Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. 1993. № 3. С. 52–68.
Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследство (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. № 5. С. 100–113.
Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: МГУ, 1999. С. 118–147.
Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. М.: Academia, 2004. 480 с.
Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006. 690 с.
Шнирельман В.А. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 192–212 (http://politconcept.sfedu.ru/2009.4/14.pdf).
Шнирельман В.А. Научная фантастика и антисемитизм // Евроазиатский еврейский ежегодник. Троицк: Тровант, 2009/2010. С. 124–132.
Шнирельман В.А. Эзотерика и расизм // Вестник Омского государственного университета. 2010а. № 3. С. 10–14.
Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Academia, 2010б. 172 с.
Шнирельман В.А. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). 2-е изд., исправ. и доп. М.: Academia, 2010в. 336 с.
Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры, 2012а. 312 с.

Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012б. С. 57–109.
Шнирельман В.А. Национализм и археология // ЭО. 2013. № 1. С. 9–25.
Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. В 2-х т. М.: НЛО, 2015. Т. 1. 536 с.; Т. 2. 440 с.
Шнирельман В.А. «Славяно-арии»: эзотерика в русском изводе // Расовые представления во Франции и России в XIX–XX вв.: ММНК / Отв. ред. С.Н. Зенкин, С. Мусса. М.: РГГУ, 2016. С. 177–194.
Шукуров Ш., Шукуров Р. Центральная Азия (опыт истории духа). М.: Панорама, 1996. 160 с.
Югай Г.А. Арийство и семитизм евразийских народов (русские, казахи, кыргызы, корейцы, японцы…). М.; Алматы: Корейск. науч.-техн. об-во «Кахак», 2004. 217 с.
Яблонский Л.Т. Теория этногенеза и ее фальсификация в современной России // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. В.А. Шнирельман, А.Е. Петров. М.: ИА РАН, 2011. С. 85–94.
Anthony D.W. The horse, the wheel and language. Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. 568 p.
Atkinson J., Banks I. and O'Sullivan J. (eds.) Nationalism and archaeology. Glasgow: Cruithne Press, 1996. 223 p.
Cole J.R. Cult archaeology and unscientific method and theory // Advances in archaeological method and theory/ Ed. by M. Shiffer. New York: Academic Press. 1980. Vol. 3. Pp. 1–33.
Diaz-Andreu M. (ed.). Nationalism and archaeology // Nations and nationalism. 2001. Vol. 7, no. 4. Pp. 429–531.
Diaz-Andreu M. A World History of Nineteenthcentury Archaeology. Nationalism, Colonialism and the Past. Oxford: Oxford University Press, 2007. 504 p.
Diaz-Andreu M. and Champion T. (eds.) Nationalism and archaeology in Europe. London: UCL Press, 1996. 322 p.
Feder K.L. Irrationality and popular archaeology // American Antiquity. 1984. Vol. 49. Pp. 525–541.
Figueira D.M. Aryans, Jews, Brahmins: theorizing authority through myths of identity. Albany: State University of New York Press, 2002. 217 p.
Harrold F.B. and Eve R.A. (eds.) Cult archaeology and creationism: understanding pseudo-scientific beliefs about the past. Iowa City: University of Iowa Press, 1987. 199 p.
Kohl Ph. L. and Fawcett C. (eds.) Nationalism, politics and the practice of archaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 344 p.
McKusick M. Psychic archaeology from Atlantis to Oz // Archaeology. 1984. Vol. 37, no. 5. Pp. 48–52.
Meskell L. (ed.). Archaeology under fire. London: Routledge, 1998. 264 p.

Michlovic M.G. Folk archaeology in anthropological perspective // Current anthropology. 1990. Vol. 31, no. 1. Pp. 103–107.
Olender M. The language of Paradise: race, religion, and philology in the Nineteenth Century. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 228 p.
Rathje W. The ancient astronaut myth // Archaeology. 1978. Vol. 31, no. 1. Pp. 4–7.
Riemschneider B. The fantasies of psychic archaeology // Archaeology. 1984. Vol. 37, no. 5. P. 4.

Saxl F. Lectures. Vol. 1. London: Univ. of London, 1957. 608 p.
Shnirelman V.A. Alternative prehistory // Journal of European Archaeology. 1995. Vol. 3, no. 2. Pp. 1–20.
Shnirelman V.A. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington D. C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.
Shnirelman V.A. The Myth of the Khazars and Intellectual Antisemitism in Russia, 1970s – 1990s. Jerusalem: Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 2002. 200 p.
Shnirelman V.A. Purgas und Pureš: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität / Hrsg. E. Khelimsky. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. S. 529–563.
Silberman N.A. Between past and present. Archaeology, ideology, and nationalism in the modern Middle East. New York: Anchor Books, 1989. 285 p.
Snow D. Martians and Vikings, Madoc and runes // American Heritage. 1981. Vol. 32, no. 6. Pp. 102–108.
Williams S. Fantastic messages from the past // Archaeology. 1988. Vol. 45, no. 1. Pp. 62–70.
Williams S. Fantastic archaeology. The wild side of North American prehistory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. 424 p.